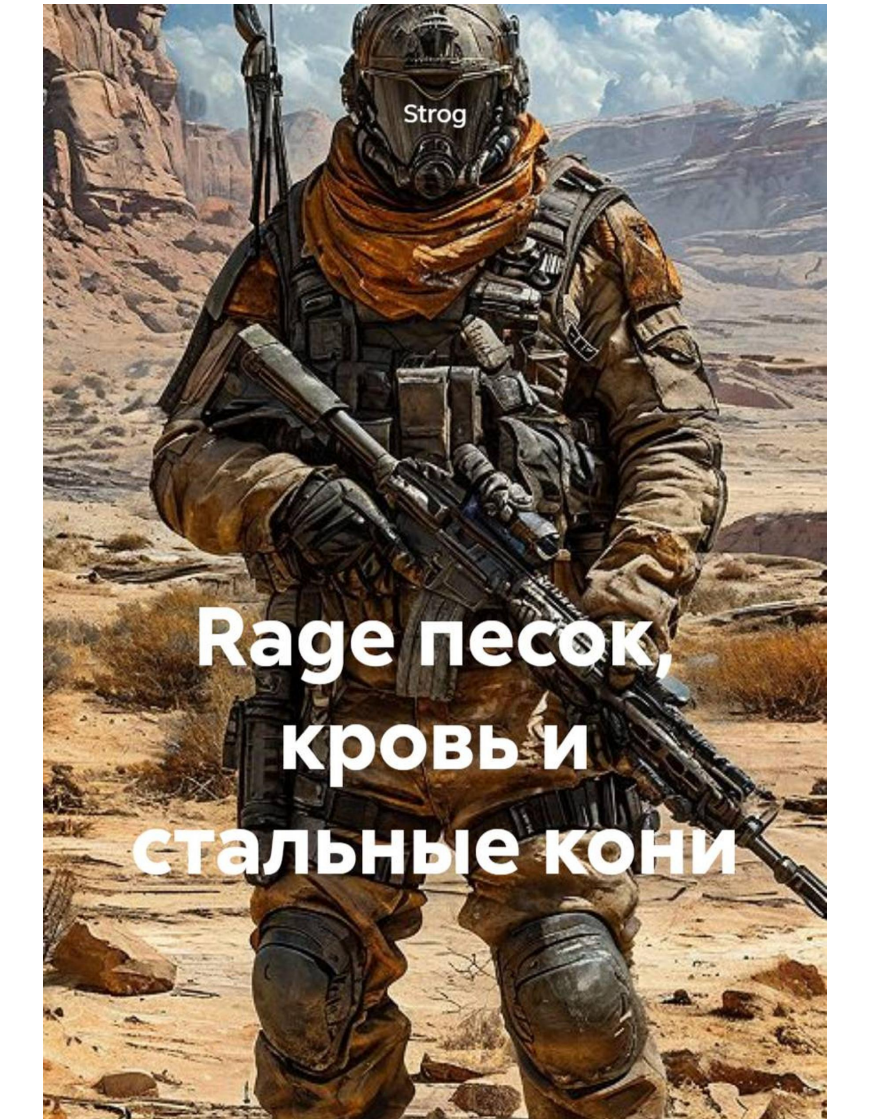

A soldier in full combat gear, including a helmet with a visor and a gas mask, stands in a desert landscape. The soldier is wearing a tan and brown camouflage uniform with a bright orange scarf. They are holding an assault rifle. The background shows rocky desert hills under a blue sky with clouds. The text 'Strog' is on the visor, and a large Russian title is at the bottom.

Strog

**Рage песок,
кровь и
стальные кони**

Strog Strog

Rage песок, кровь и стальные кони

<https://litres.ru/74197628>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В Пустошах нет законов, кроме одного — выживи. Нет правителей, кроме тех, кто умеет стрелять и водить. Нет надежды, кроме той, что ты создаёшь сам.»

Strog

Rage песок, кровь и стальные кони

Глава 1. Пробуждение в песке. Начало пути
(Биом: Винланд. Юго-восточный край, стартовая база)

Сознание возвращалось к нему не как поток мыслей, а как череда болезненных вспышек — обрывков ощущений, лишённых связности и смысла. Первое, что он осознал, была боль. Не острая, режущая, а тупая, всепроникающая, подобная той, что чувствует человек, которого долго и методично избивали, а затем бросили умирать в безразличном равнодушии пустыни. Боль пульсировала в висках, отдавалась в позвоночнике, пронизывала плечевые суставы, словно напоминая о том, что тело — всего лишь хрупкая оболочка, обречённая на страдание. Каждый нерв, каждый мускул, каждая клетка его существа кричали о том, что он был на грани, на самом краю, за которым уже ничего нет — ни жизни, ни смерти, только бесконечная, серая пустота.

Он открыл глаза. Веки казались свинцовыми, и каждый раз, когда он моргал, ему казалось, что он теряет ещё одну секунду своей жизни. Песок. Он был везде — в ушах, под ногтями, на языке, прилипший к пересохшим губам, проникший в лёгкие, смешавшийся с кровью, которая запеклась

на виске. Он попытался сглотнуть, но горло было сухим, как старая кость, и он почувствовал, как песок скребёт по стенкам пищевода, вызывая спазмы, от которых его тело содрогнулось. Он понял, что не пил, возможно, несколько дней. Его организм был обезвожен до предела, и только какая-то неведомая сила, может быть, сама пустошь, не давала ему умереть.

Небо над ним было не обычным — не привычным голубым, не дождливым, даже не серым. Оно было ржавым, как старый лист железа, пролежавший в солёной воде десятилетия. Этот цвет — цвет патины, цвет распада — был символом мира, в который он очнулся. Мира, который уже не ждал спасения. Мира, который научился жить без надежды и, возможно, именно поэтому выжил. Облака — если их можно было так назвать — висели неподвижно, как старые, грязные тряпки, забытые на верёвке. Они не двигались. В этом мире даже ветер, казалось, потерял свою силу. Было тихо. Слишком тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни шума машин — только песок, который медленно, но верно, погребал под собой всё, что осталось от старого мира.

Две луны висели на небесном своде. Одна — настоящая, серая, изрытая кратерами, равнодушная к человеческой судьбе. Она была такой же холодной и отстранённой, как и всё, что осталось от старого мира. Она не давала света, только тусклое, болезненное свечение, которое делало тени длинными и угловатыми, превращая каждый камень в нечто

зловещее. Вторая — искусственная, осколок орбитальной станции, когда-то бывшей гордостью цивилизации, а теперь превратившейся в памятник собственной дерзости. Она висела наклонно, словно готовилась рухнуть при первом же порыве ветра, и этот образ — падающей луны, медленно, неизбежно, грациозно — казался ему невероятно точной метафорой всего, что осталось от человечества. Мы были горды, мы были умны, мы создали небеса, а потом мы упали. И теперь мы лежим в песке.

Рейс попытался приподняться, но мышцы отказали. Они были как старые, проржавевшие пружины, которые не могли больше распрямиться. Он лежал на спине, раскинув руки, как распятый, и это положение казалось ему символическим. Распятый на песке, под ржавым небом, между двумя лунами — одна из которых была ложью. Распятый между прошлым, которого он не помнил, и будущим, которого он не хотел знать. Он не помнил, кто он. Не помнил, как здесь оказался. Но он знал, что его зовут Рейс. Просто Рейс. Без фамилии. Без прошлого. Без надежды. Имя, которое ничего не значило. Имя, которое было просто звуком, вырванным из чужого горла.

Он повернул голову. Это движение далось ему с трудом, словно его шея была скована ржавчиной. Справа от него зияла яма — глубокая, метров пять в диаметре, похожая на братскую могилу. Он перекатился на живот, и это движение отозвалось болью в рёбрах — что-то там было сломано или

сильно ушиблено. Он не знал. Он не хотел знать. Он просто заглянул в яму.

Зрелище было не для слаонервных: там лежали десятки трупов, мутантов, вперемишку с песком и камнями. Это были не просто люди — они были искажены, их тела покрывали наросты, чешуя, дополнительные конечности. Одни имели по две головы, другие — руки, заканчивающиеся клешнями, третьи были покрыты хитиновым панцирем, как насекомые. Кто-то из них ещё конвульсивно дёргался, но это было не жизнью — это были последние электрические импульсы, блуждающие по мёртвым нервным окончаниям, как искры, которые ещё теплятся в остывшем костре. Кровь, смешавшаяся с песком, превратилась в чёрную корку, напоминавшую застывшую лаву. Запах разложения смешивался с озоном — будто здесь недавно ударила молния, оставив после себя не только смерть, но и электрическую тоску.

Рейс смотрел в яму, и его глаза медленно привыкали к полумраку. Он заметил, что некоторые мутанты были убиты не оружием — они были разорваны, раздавлены, словно их раздавила невидимая сила. Кто-то или что-то произошло по ним, не оставив ни одного целого тела. Рейс не знал, что это было. Он не хотел знать. Но в глубине его сознания зашевелилось что-то — смутное, тёмное, похожее на воспоминание, которое он не мог ухватить. Оно ускользало, как песок сквозь пальцы. Оно было частью его прошлого, которое он потерял. И, возможно, частью будущего, которое он должен

был найти.

Он отодвинулся от края ямы. Ему нужно было встать. Нужно было двигаться. Если он останется здесь, он умрёт. Не от ран, не от голода, не от жажды — а от безразличия. От того, что мир просто забудет о нём, и он исчезнет, как исчезают все, кто перестаёт бороться. Он вспомнил одну фразу, которую кто-то когда-то сказал ему — возможно, во сне, возможно, наяву: «Ты не ошибка. Ты — выбор. Сделай его.»

Рейс попытался собраться с мыслями. Его сознание было похоже на комнату, в которой выбили все окна, а затем залили бетоном. Пустота. Тишина. И только одно слово, выбитое где-то в глубине, как память о давно прочитанной книге — «SWILL». Что это значило, он не знал. Но это слово было ключом. Возможно, ключом к его прошлому. Возможно, к его смерти. Возможно, к чему-то, что он должен был найти, чтобы понять, зачем он вообще существует.

Он поднял руку. Грязную, исцарапанную, с ободранной кожей. Кровь под ногтями запеклась, превратившись в тёмные корки. На запястье — кожаный ремешок, потемневший от времени, и на нём ключ-карта с надписью: «Куприно. Сектор 7. Гараж №13». Он провёл пальцем по гравировке. Металл был холодным, несмотря на жару. Он не знал, что значит эта надпись, но она чувствовалась важной. Она была частью того, что он потерял. И, возможно, тем, что он мог вернуть.

На поясе — старый пистолет «Улей-М», примитивный,

грубый, но надёжный. Он вытащил его, проверил магазин. В стволе — один патрон. Ржавый, но, вероятно, ещё способный выстрелить. Один выстрел — это всё, что у него было. Один шанс, одна возможность, одна точка опоры в этом мире, который не давал ему ни единой причины жить. Он сжал рукоятку, и прикосновение металла к ладони было успокаивающим — единственной вещью, которую он понимал без слов. Оружие не предаёт. Оружие не спрашивает, кто ты. Оно просто работает.

Он обыскал карманы. Пусто. Ничего, кроме ключ-карты и пистолета. Ни еды, ни воды, ни документов. Только ключ-карта и пистолет, и навязчивое чувство, что где-то в глубине его памяти зарыто нечто, что объяснило бы всё. Но память молчала. И эта тишина была страшнее, чем любой крик.

Он снова посмотрел в яму. На дне, среди тел, он заметил блеск. Что-то металлическое, отражающее тусклый свет двух лун. Он знал, что не должен спускаться туда. Там была смерть. Там была зараза. Там были вещи, которые лучше не трогать. Но он спустился. Он не знал, зачем. Возможно, потому что у него не было ничего другого.

Он шёл по телам, стараясь не наступать на лица. Это было трудно. Тела лежали плотно, и каждый шаг погружал его в липкую, тёплую жижу, которая была когда-то кровью, а теперь стала чёрным илом. Он почти потерял равновесие, когда его нога соскользнула с чьего-то плеча, но он удержался, схватившись за край ямы. Он поднял предмет — старую кар-

ту, выцветшую, сложенную вчетверо. На ней были отмечены три точки: Куприно, Уэллспринг и Метрополис. И чья-то рука, дрожащая, но уверенная, вывела стрелку к Уэллспрингу и подписала: «Единственный город, где ещё есть люди, вода, бензин — и где тебя не пристрелят за еду.»

Он засунул карту за пазуху. Она была тёплой, несмотря на то, что лежала среди мёртвых. Он выбрался из ямы, тяжело дыша, и сел на край, глядя на горизонт. Песок. Бесконечный, серо-жёлтый, усеянный остовами машин. Скелеты автомобилей торчали из песка, как рёбра мёртвых животных. Где-то далеко — чёрный дым, поднимающийся вертикально, похожий на дрожащий столб, соединяющий землю с небом. Дым означал людей. Или мутантов. Или просто пожар, который никто не тушил. Но дым — это ориентир. Дым — это шанс. Даже если этот шанс ведёт к смерти, она всё равно будет лучше, чем стоять здесь, в центре этого забытого богами мира, и ждать, пока песок поглотит его целиком.

Он встал. Ноги тряслись, колени подгибались, но он удержался. Он подошёл к краю каньона и посмотрел на дорогу, которая вела на север. Она была разбита, покрыта трещинами, но всё ещё видна. Кто-то проехал здесь недавно. Следы шин были свежими. Это давало надежду. Или страх. Он не мог решить, что было сильнее.

Он пошёл. Шаг за шагом, по колено в песке. Каждый шаг был актом сопротивления. Каждый вдох — отрицанием тишины. Он не знал, зачем идёт. Но он шёл. И это было его

единственным выбором. Выбором между жизнью и смертью, между надеждой и отчаянием, между знанием и неведением. Он выбрал жизнь. Или, по крайней мере, её видимость.

Ветер поднялся, и песок начал бить в лицо, как тысячи маленьких игл. Рейс прищурился, поднял воротник своей грязной куртки и продолжал идти. Он не знал, сколько времени прошло — час, два, три. Он потерял счёт времени. Он потерял счёт боли. Он просто шёл, и каждый шаг был маленькой победой над пустотой.

Через некоторое время — возможно, час, возможно, больше — он увидел караван. Три машины — два пикапа и один бронетранспортёр, переделанный под грузовик. На крышах — пулемёты. Значит, люди. Или те, кто ещё помнит, что такое защита. Рейс поднял руки, медленно, чтобы не испугать их. Караван остановился. Из бронетранспортёра вышла женщина.

Она была высокого роста, с жёстким лицом, которое, казалось, никогда не улыбалось. Её кожа была обожжена солнцем, покрыта морщинами и шрамами — следы многих лет борьбы за выживание. На левой щеке — ожог, старый, но глубокий, который оставил после себя неровный, блестящий рубец. Её глаза были разного цвета — один карий, второй механический, красный светодиод, который светился в темноте и, казалось, сканировал всё вокруг. На ней был кожаный пиджак, весь в патронташах, и она держала на плече винтовку, готовую к использованию в любую секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.